

Андреас Умланд

Между Веймарским и Боннским сценариями: современный российский антиамериканизм и послевоенный немецкий опыт¹

Со времени выхода книги Александра Янова *После Ельцина: «Веймарская» Россия* в 1995 году (М.: КРУК), некоторые предсказания Янова относительно постельцинского периода осуществились. Прежде всего, в течение последних лет часть российской элиты переняла параноидное видение внешнего, в первую очередь западного, мира, которое в 1990-х гг. было лишь идеологией крайне правых маргиналов и палеокоммунистов. Возможно, это ещё не делает далеко идущее сравнение Янова развития событий в постсоветской России и межвоенной Германии оправданным. Но неоспоримо, что, несмотря на относительную политическую стабилизацию и стремительный экономический рост последних лет, национализм, антизападничество и постсоветский эквивалент «Dolchstoßlegende» (легенда об ударе ножом в спину), стали, как ранее в Веймарской республике, важными интеллектуальными и политическими течениями в Российской Федерации. Так же, как и множество немецких политических деятелей, ученых и публицистов после Первой Мировой войны, многие российские лидеры, интеллектуалы и журналисты сегодня провозглашают, что потеря их страной значительных территорий, снижение ее роли в международных отношениях и жалкое положение дел в целом, – все это последствия инспирированного Западом тайного заговора, в котором несколько «демократических» предателей выступили в роли «пятой колонны», продали национальные интересы и привели страну к пропасти потери родной культуры, древних традиций и собственной идентичности посредством тотальной вестернизации.

С момента первого исследования Яновым этой темы в середине 1990-х, сопоставление России с предфашистской Германией повторялось неоднократно. Не менее адекватная ссылка Янова на опыт Германии уже после *Второй* Мировой войны и значительный успех Боннской (1949-1990 гг.) и Берлинской (1990 г. – по сегодняшней день) республик, напротив, упоминались реже. Это несмотря на то, что речь идет о той самой Германии, которая сегодня в глазах многих представителей российской элиты приобрела роль чуть ли не самого привлекательного и желанного союзника России. Не только российские западники или умеренные патриоты, включая Владимира Путина, выделили Германию, как страну, которая была бы самым желаемым спутником России на международной арене и предпочтительным партнером для близкого экономического и культурного сотрудничест-

¹ Ратнее опублик. в: Посев. 2007. № 5. С. 26-28.

ва. Даже различные националисты, в их числе Владимир Жириновский, Александр Дугин и Геннадий Зюганов, признались в своем уважении Германии и интересе в более близком российско-немецком сотрудничестве.

В то время, как такие намерения можно только приветствовать, они часто страдают от несоответствующего понимания или признания того, почему и как Германия стала таким заманчивым потенциальным компаньоном, образцовым обществом и популярным туристическим направлением для россиян сегодня. Более того, развитие Боннской республики после 1945 могло бы послужить моделью для развития России после «холодной войны». Таким же образом, как развитие Германии после Первой Мировой войны должно, в определенном смысле, быть предостережением для постсоветских лидеров, ее возрождение после Второй Мировой войны могло бы стать поучительным примером для российской элиты сегодня.

Самый важный урок, который Боннская и Берлинская республики, могут преподать сегодняшней России, касается не столько внутренних дел страны, сколько ее отношений с внешним миром, видения западной цивилизации и прежде всего связей с Соединенными Штатами Америки. Федеративная Республика Германии была оккупирована американскими войсками после Второй Мировой войны; ее суверенитет был ограничен западными державами во главе с США вплоть до конца «холодной войны». В то время, как политические лидеры Боннской республики основанной в 1949 г. были вольны определять, какую именно разновидность демократического порядка будет иметь их страна, возглавляемый Соединенными Штатами западный надзор за послевоенным развитием Германии предполагал, что демократия останется единственным выбором для немцев. Как и современная Япония, сегодняшняя Германия в значительной степени – результат американского иностранного вмешательства во время как Второй Мировой, так и «холодной» войн.

На протяжении десятилетий Германия была и сегодня остается самым важным союзником США на европейском материке. Хотя немецкая критика по отношению к американской внешней политике временами была и есть жесткой, как, например, во время непродуманных интервенций Белого дома во Вьетнаме или Ираке, подавляющее большинство немецкой элиты продолжает поддерживать или, по крайней мере, принимать лидирующую роль Соединенных Штатов для западного мира, неотъемлемой частью которого стала теперь и Германия.

Если вспомнить, так было не всегда. Как и в России сегодня, многие представители немецкой политической и интеллектуальной элиты межвоенного периода гордились тем, что их родина не является частью Запада, не нуждается в либеральной демократии, и, вместо этого, следует цивилизационному «Sonderweg» – особому пути. Самым, в конечном счете, последовательным и популярным проповедником этой идеи оказался Адольф Гитлер. Парадоксально, но именно ультрапатриот, антилиберал и псевдодемократ Гитлер, а не немецкие западники, оставил немцам в наследство (кроме разрушенной и разделенной страны) глубоко неодно-

значное отношение к собственной национальной идентичности. А ведь должно было быть наоборот: не только по логике нацистской идеологии, но и по мнению многих, если не большинства немецких политических, культурных и общественных лидеров Веймарской республики, покорение Германии Западом в результате Второй мировой войны должно было привести к потере немецкого национального самоопределения и германской этнической специфичности. События 1945-го г. должны были иметь намного худшие последствия, нежели то, что случилось с Германией после поражения 1918 г. Возможность независимого развития страны не только стала ограничиваться Западом, как это было после Первой Мировой войны; она была полностью утрачена после безоговорочной капитуляции Третьего Рейха 8 мая 1945 года. Это – если верить риторике большинства немецких политических деятелей, профессоров и писателей Веймарской республики – должно было стать началом конца немцев как самостоятельной нации.

Что же произошло на самом деле: немецкое антизападничество привело к нацизму, который оставил сегодняшнему германскому национальному самосознанию неразрешимую проблему - дилемму вечной ответственности немецкого народа за ужасы Второй Мировой войны, концлагерей и Холокоста. И, как ни странно, возглавляемое США западное доминирование над Германией с 1945 до 1990 гг. стало, с другой стороны, одним из главных факторов в приобретении немцами нового чувства самоуважения, как одной из самых экономически успешных и культурно влиятельных наций послевоенной эпохи.

Сегодня не десятилетия фактического американского контроля над Германией, а наследие патологического недоверия к западным идеям и институтам во время Веймарской республики является причиной, по которой многие немцы имеют двойственное отношение к собственной национальной истории. А многолетняя американская оккупация ФРГ никак не помешала процветанию бизнеса, науки и культуры в Боннской и Берлинской республиках. Она также не вызвала потерю таких исконно немецких традиций как изготовление самых вкусных сосисок, организация самого большого ежегодного фестиваля пива или производство лучших автомобилей в мире.

Пронемецки настроенным российским политикам и политкомментаторам стоило бы задуматься о том, почему Германия сегодня настолько привлекательна для них. Среди других факторов, очевидно, это и то обстоятельство, что она была обеспечена в течение многих десятилетий «американским зонтиком». Не полная интеграция Германии в НАТО, не ее дружба с Америкой, а, наоборот, антизападное наследие Германии заставляет немцев сегодня колебаться – что непостижимо для многих русских – в выражении гордости своей национальной историей. Если самобытность культуры Германии и уменьшилась сегодня – это не результат «американского промывания мозгов», как это хотели бы представить некоторые российские антиамериканисты. Напротив, это – результат чувства ответственности за смерть и страдания десятков миллионов европейцев (среди них миллионов рус-

ских!) в 1939-1945 гг. И, наоборот, американская опека над Боннской республикой 1949-1990 гг. привела к возрождению новой, лучшей Германии, и дала немцам возможность, как заново приобрести гордость своими современными достижениями, так и встать лицом к лицу перед преступлениями своих предков перед русскими, украинцами, евреями, белорусами, поляками, цыганами и многими другими народами.

История послевоенной Германии, таким образом, несет в себе важную весть для России: будьте осторожны в определении того, что, в конечном счете, действительно патриотично и кто, на самом деле, истинный патриот. Само собой разумеется, что ни Запад в целом, ни Соединенные Штаты в частности не безупречны. Их политика и методы не должны слепо копироваться; во многих случаях их действия следует жестко критиковать. С другой стороны, опыт Боннского периода германской истории показывает, что даже полная интеграция в западные структуры и оккупация американской армией ранее фанатично антизападного государства не приводит к распаду национальной культуры этой страны, а может вместо этого обеспечить условия для впечатляющего национального возрождения.

Сегодня Россия не поставлена перед необходимостью полностью интегрироваться в западный мир, как и не находится под угрозой американской оккупации. Однако, ее положение на международной арене становится с каждым годом все более опасным вследствие прогрессирующего распространения в российском обществе эксцентричных теорий заговоров, иррационального антиамериканизма и фантастических интерпретаций мировой политики – во многом следующих образцам немецкой политической мысли, публицистики и журналистики 1918-1933 гг. Более того, некоторые политкомментаторы, как, например, вышеупомянутый Александр Дугин, не стыдятся публично воспроизводить теории таких немецких интеллектуалов, как Карл Шмитт или Герман Вирт, биографии которых запятнаны временным сотрудничеством с нацистским режимом, и которые поэтому дискредитированы в самой Германии.

Остается надежда, что явная симпатия большей части российской элиты к современной Германии побудит ее распознать все, без исключения, источники и основы расцвета Германии после Второй Мировой войны – включая принятие Германией западной демократии и ее прочный союз с США. Последнее обстоятельство также означает, что как российские, так и сильные немецкие стремления к более глубокому сотрудничеству между обеими странами обречены на провал в условиях продолжающегося роста фундаментального антиамериканизма в российской политике, журналистике и публицистике. Будет грустной шуткой истории, если современные относительно близкие отношения между Россией и Германией станут жертвой повторения ошибок немецкой элиты 1920-1930-х гг. политическими и интеллектуальными лидерами сегодняшней России.

Перевод с английского: Елена Сивуда.